

ПАМЯТЬ О ЛЕГЕНДАХ

"Как радостный призыв свободы и весны..."

В сорока верстах от Новогрудка исстари и до минувшей войны лежал фольварк Заосье, приобретший известность тем, что здесь в морозную предрождественскую ночь 1798 года у супругов Николая и Барбары Мицкевичей родился сын Адам. Принимавшая роды шляхтянка пани Молодецкая, веря в волшебное действие примет, пуповину перерезала на книге, что силою поверья обещало младенцу ученость и большой ум. Пожелание повитухи оказалось пророческим; оно и сбываться начало весьма скоро: с четырех лет Адам Мицкевич приучился читать; он был одним из лучших учеников новогрудской гимназии, среди лучших студентов виленского университета; к двадцати пяти годам издал два сборника стихов, и к нему пришла слава великого поэта; с выходом в свет полных «Дзядов» и «Пана Тадеуша» поэтический гений Мицкевича получил европейское признание. Лирика, поэмы Мицкевича переведены на множество языков, его лучшие произведения вошли в сокровищницу мировой литературы, служат и вечно будут служить говоря словами Генрика Сенкевича «возвышению человеческого сердца» Адам Мицкевич выказал себя не только в поэзии. Он читал лекции по римской литературе в Лозаннском университете, вел кафедру славянских литератур в Коллеж де Франс, был литературным критиком, публицистом, редактором газеты «Польский пилигрим» и интернационального политического издания «Трибуна народов»; он вошел в историю революционного движения как идеолог демократического крыла польской эмиграции. Личность Мицкевича величественна, его жизнь и творчество являют достойный пример непрестанного духовного напряжения.

Отъезжал в 1829 году из Петербурга за границу, Мицкевич утешался надеждой скоро возвратиться на родину. Но полное тягот изгнание растянулось на десятилетия и прекратилось лишь со смертью, наступившей в 1855 году в Константинополе. Разлука с отчиной была самым горьким испытанием поэта. Он писал в «Пане Тадеуше»:

Хотел бы малой птицей пролететь я Сквозь бури, грозы, ливни, лихолетье
И обрести безоблачность погоды. Отцовский дом, младенческие годы,

Одна утеха в тяжкую годину — С приятелями ближе сесть к камину, От

шума европейского замкнуться, К счастливым временам душой вернуться, Мечтать о родине, забыв чужбину.

(Перевод С. Мар)* *Все последующие переводы поэтических цитат из Адама Мицкевича без указания

имени переводчика принадлежат С. Мар (Аксеновой).

Жизненный опыт, житейские наблюдения Мицкевича, служившие материалом его творчеству, питавшие его патриотизм, тесно связаны с Новогрудком, где прошли его детские и юношеские годы, и вообще с Черной Русью, или «Литвой». При жизни Мицкевича название «Литва» понималось иначе, чем сегодня. В то время оно обозначало белорусские и литовские земли, составившие федерацию с польским королевством по Люблинской унии 1569 года. Литвином равно выступали белорус, жмудин, литовец. Называя Мицкевича «литвином», поляки разумели под этим, что он выходец не из исконно польских земель, а из земель, присоединенных к «Короне». Называя себя «литвином», Мицкевич указывал этим на свою принадлежность к общности народов бывшего Великого княжества; называя же себя «поляком», он подчеркивал свою политическую ориентацию. Ориентацию на возрождение Речи Посполитой, на протест против несправедливых ее разделов. Речь Посполитая была поделена между тремя этими державами и в 1794 году окончательно исчезла с политической карты Европы. Разумеется, в социальном устройстве Речи Посполитой было достаточно изъянов, определивших утрату государственности, но память о былой славе, о былом единстве страны, национальные честь и гордость не могли мириться с разделами, принять их как непреложный и неизменный факт, смириться. Из этого проистекали многократные восстания.

Но желая возрождения, Польша всегда претендовала и на земли Литвы и Белоруссии, образовавшие с ней Речь Посполитую по Люблинской унии. Однако уния, как говорилось выше, была навязана Великому княжеству Литовскому силой и в тяжелых для него обстоятельствах. Польша и Литва, объединенные в Речь Посполитую, никогда не были «единым телом»; различия, обусловленные многовековой самостоятельностью Великого княжества, не стирались в народной памяти, присутствовали в укладе жизни и идеологии белорусской и литовской шляхты. В образной форме Адам Мицкевич объясняет это так:

Вот рядом с месяцем взошла звезда, другая... Десятки тысяч звезд уже горят, мигая. Созвездье Близнецов зажглось над темным хмелем. Славяне звали их когда-то Лель с Полелем.

Другие имена у них в Литве зеленой: Одна звезда — Литва, другую звать Короной

Без таких терминологических справок нельзя правильно понимать творчество и взгляды Мицкевича, отношение его к родной земле. Даже Ян Чечот, близкий друг Мицкевича, известный собиратель белорусских народных

песен, писавший стихи на

белорусском языке, редко говорил «белорусские песни», а чаще «литовские песни», или «гминные песни», или «песни весняков» (то есть крестьян), белорусский язык называл кривицким языком. Сам Адам Мицкевич называл Новогрудчину то «Литва, отчизна моя», то в «Бульбе» — «Ты не такая, Русь,— открыта глазу».

Богатая событиями история Новогрудка служила одаренному юноше неиссякаемым источником романтических осмыслений прошлого. Над руинами древнего замка витали тени его славных обитателей — Миндовга, Дмитрия Корибута, Витовта. Каменные башни помнили осады крестоносцев, набеги татар, шведскую войну.

Весь новогрудский замок на крутом Плече горы луною позолочен, Поросший дерном вал высок и прочен, Песок синеет. Тень косым столбом Уходит в ров, где вздохи влаги сонной Колеблют бархат плесени зеленой. Спит Новогрудок. В замке тушат свет, Лишь стражам, окликающим друг друга, Ни сна на башнях, ни покоя нет.

(Перевод А. Тарковского)

У подножия замкового холма на месте языческого капища стоял самый древний в Белоруссии каменный костел — в этом костеле Мицкевича в феврале 1799 года крестили. На соседней улице высился курган, который легенда называла курганом Миндовга. Сами собой вспоминались тут описанные Матеем Стрыйковским дела великого князя. Все было перепутано в маленьком поветовом Новогрудке: католичество, православие, униатство; старинные суеверия; здесь смешались белорусская культура крестьян и культура шляхты, здесь мирно жили белорусы, поляки, евреи, здесь мешались языки — двуязычие, а после 1794 года и трезязычие было нормальным, необходимым элементом быта. Здесь были свои обычаи, своя слава, свои великие имена, свое видение жизни, и они с детства прочно вошли в сознание поэта. Новогрудчина считалась «медвежьим углом» Литвы, но Мицкевич никогда не стыдился своего «провинциального», «за стен ко во го» происхождения; наоборот, силой своего слова он придавал отчей земле широкую славу и все права «столичности».

В Белоруссии немного городов, которые были бы так красиво расположены, как Новогрудок. С Замковой горы далеко открываются живописные холмы, вековые леса. Сейчас, пожалуй, только Налибокская пуца может дать представление о новогрудских чащобах прошлого века;

Гласят предания в краю моем родимом, Что, если лесом кто пойдет непроходимым, Наткнется на барьер стволов, колод с ветвями, Размытых в глубине бегущими ручьями; Там муравейников лесных хитросплетения, Гадюки, пауки, слепни — столпотворенье! ..... По паре всех зверей там собрала природа. Медведь, к зубр, и тур — владыки темной чащи. И двор у каждого богатый и блестящий:

Рысь с росамохою бессменные министры. Скрываются в ветвях, на все

решенья быстры...

В двадцати верстах от города несет свои воды воспетый в народных песнях и преданиях Неман. Часто упоминается Неман и Мицкевичем:

Где струи прежние, о Неман мой родной? Как в детстве я любил их зачерпнуть горстями. Как в юности любил, волнуемый мечтами, Ища покоя, плыть над зыбкой глубиной.

(Перевод В. Левина)

Но не только берега седого Немана — все в Новогрудском повете и вокруг Мира, и вокруг Кореличей, и вокруг Несвижа, было исхожено, объезжено Адамом Мицкевичем или в одиночестве, или с друзьями — Томашем Заном (впоследствии известный поэт), Игнатием Домейкой (впоследствии известный географ), Яном Чечотом. Томик стихов Мицкевича — лучший путеводитель по памятным новогрудским местам. По дороге в Заосье встретятся вам озеро, лес и гора. Вот они, увековеченные в «Тукае»:

Серебрится месяц робко: То осветит бездорожье, То во мрак опустит тропку. Путь среди болот змеится Полой скрытого значенья Мимо заросшей Гнилицы, Вдоль Кондычева теченья, Где темнеет снизу пуща, Темнохмурая дуброва,

Где приветствует идущих Головой гора Жанрово.

(Перевод М. Голодного)

Недалеко от Заосья таится в Плунжинском бору прекрасное озеро:

Ты видишь Свитязь. Гладь воды ясна. Как лед, недвижна и блестяща. И вокруг нее, как черная стена, Стоит таинственная чаща.

(Перевод В. Левина)

А недалеко от Свитязи и Заосья находятся Тугановичи, во времена Мицкевича — родовое поместье Верещаков. Здесь влюбленный в Марылю Верещака поэт часто гостил в свои летние вакации. По вечерам в усадьбу собирались друзья Марыли и Адама; Томаш Зан, Ян Чечот, Адам читали свои стихи. Марыля играла на фортепиано, пела нравившиеся Адаму белорусские песни. Любовь к Марыле вдохновила Мицкевича на большой цикл сонетов и баллад. Имя князя Тугая, названного в балладе «Свитязь» владельцем города, который ушел на дно озера, но не сдался врагу, произведено Мицкевичем от названия усадьбы, где жила Марыля.

Разлучение с Марылей стало для Мицкевича страшным жизненным потрясением.

Память об этой любви его душа хранила всю жизнь. За несколько лет до женитьбы на Целине Шимановской, когда поэт и гадать не мог, что подобно прадеду и отцу сам станет отцом пяти детей, а Целина из-за тяжелой болезни рано покинет этот мир, он, рисуя в «Пане Тадеуше» образ Яцека Соплицы, писал:

Недолго прожила жена моя на свете И мне оставила Дитя и муки эти. Зато как сильно я всегда любил другую! Хоть много лет прошло, забыть все не могу я.

Образ Марыли постоянно присутствовал в его творчестве; ей посвящена I часть «Дзядов», идеализированные ее черты отразились в Зосе — героине «Пана Тадеуша». К одному из живописных и дорогих Мицкевичу уголков Новогрудчины — деревне Руте — «привязана» баллада «Люблю я».

«Однажды,— пишет поэт,— когда ехал ночью я в Руту,

...кони, рванувшись из всей своей мочи, Сломали оглоблю тугую,
«Остаться здесь в поле, к тому же среди ночи,— Сказал я,— вот это люблю я!

Волшебство последних двух слов сняло заклятье с возникшего на дороге призрака девушки, и в благодарность призрак объявил поэту:

«За это — с грядущего — занавес мрака Сниму я, как тучу ненастья. Ты встретишь Марылю, полюбишь, однако...» Запел тут петух на несчастье.

(Перевод М. Зенкевича)

Однако Марыля Верещака, уступая настояниям семьи, выйдет замуж за графа Путткамера, а Мицкевичу и через десять лет будут вспоминаться впечатления первого приезда в Тугановичи, случайное появление в комнате Марыли:

Вошел и отступил — да что ж это такое? Здесь, что ни говори, жилище не мужское. .... Откуда в комнату попало фортепьяно?

Уж не гостит ли здесь молоденькая панна? Все пораскидано, уют небрежный сладок,— Знать руки юные творили беспорядок! Кто платье положил на кресло у постели, Расправив бережно оборки и бретели? Расставлены горшки с геранью по окошкам, С петуньей, астрами, гвоздикой и горошком.

Не однажды вспомнит Мицкевич фольварк Плунжин, где была написана «Свитязянка», и Пуцевичи, и Столовичи, куда часто ездил на ярмарки, на веселые

сборища людей, и Цирин, и Солечники, и Милашево, и Горбатовичи, и Щорсы, где под сенью старого дуба создавалась «Гражина», и свои прогулки с Марылей в поле, где

Простая песня жниц разносится над нивой, Печальная, как день бессолнечный, тоскливый; Не вторит эхо ей; в рассветной мглистой рани Похрустывает рожь, несется кос жужжанье. Запели косари жужжанью в подражанье, Закончив полосы, оттачивают косы, В такт оселки звучат, как хор многоголосый, И не видать людей, лишь звон серпов да пенье, Как голос музыки, невидимой, осенней.

Но Адам Мицкевич интересен для белорусской культуры не переработками белорусского фольклора и новогрудских легенд. В его главных произведениях

— поэмах «Дзяды» и «Пан Тадеуш» — отразилась целая эпоха белорусской истории.

Мицкевич происходил из мелкопоместной шляхты; род Мицкевичей не был коренным для Новогрудчины — прапрадед поэта перебрался сюда в конце XVII века из Людского повета. Их герб «Порай» осветить этнические корни рода не может. В 1413 году по Городельской унии бояре-католики Великого княжества Литовского приняли 47 польских гербов; позже ими пользовалась вся — и православная, и католическая, и кальвинистская — шляхта белорусских и литовских земель, хотя, конечно, имелись и самобытные гербы. Более того, в XVII веке в связи с большими потерями в войнах в ряды шляхты рекрутировались крестьяне, получая те же гербы, которые носили древние роды. Так что Мицкевичи по крови, скорее всего, были чернорусами. Говоря о белорусской шляхте того времени, необходимо помнить, что вся она, за редким исключением, была окатоличена и ополячена, как и магнатство, на которое она равнялась и интересам которого служила своими голосами и саблями. Восемьдесят поколений шляхты испытывали идеологическое давление «Короны» и, разумеется, усваивая польскую идеологию и культуру, утрачивали многое из своей.

Между тем на белорусских землях мелкая шляхта составляла значительный слой населения. По подсчетам, сделанным в начале прошлого века, в Белоруссии на шесть крестьян приходился один шляхтич. Большое число шляхты не имело крепостных, разнясь от крестьян личной свободой, гербом и правом ношения сабли.

Отец Адама Мицкевича крепостными не владел, жил от своего адвокатского места при новогрудском суде. Семья при его жизни не нищенствовала; среди новогрудских мещан и шляхты даже считалась богатой, поскольку Николай Мицкевич построил в кредит каменный дом в шесть комнат с подвальной кухней. (В годы войны он был сожжен гитлеровскими оккупантами; сразу после освобождения Белоруссии восстановлен и в нем размещен музей поэта.) Но когда в 1812 году по смерти мужа Барбара Мицкевич осталась одна с четырьмя сыновьями, на семью навалилась изнурительная бедность. Отъезжая учиться в Виленский университет, Адам Мицкевич в придачу к материнскому благословию получил лишь двенадцать дукатов. С того сентябрьского дня 1815 года поэт всегда зарабатывал на жизнь сам. Не имея средств платить за обучение, Мицкевич учился в университете как казенный стипендиат и позднее отрабатывал свое обучение преподаванием в Ковенской гимназии. Исключительно бедность послужила препоной браку Адама Мицкевича с Марылей Верещака, мать которой отметала саму возможность союза Марыли с бедным учителем.

Практически Мицкевич вел жизнь неимущего разночинца. Время было такое. Феодальный уклад быта сломался, а для зарождавшихся буржуазных отношений гербы, древняя слава родов, боевые подвиги предков ничего не значили. Мелкая шляхта оказалась на распутье: либо крестьянствовать, то есть

платить подати, либо выбираться в интеллигенцию. К разладу старого образа жизни добавлялся русификаторский гнет самодержавия. Естественно, мелкая шляхта откликнулась на такую ситуацию революционными настроениями. Другое дело, что конкретно в Белоруссии между шляхтой и крестьянством оказался исторически обусловленный разрыв, подчеркиваемый разностью культур и языков. Такого разрыва, воспринимаемого как национальная рознь, не было ни в России, ни в Польше. Но для истории народа имеют важность состояния всех его классов и сословий. Написанный сразу после подавления царизмом восстания 1831 года «Пан Тадеуш» являет собой эпическое полотно жизни белорусской мелкопоместной шляхты.

«Поэт стоит между исчезающим племенем людским и нами. Прежде чем они умерли, он видел их, а теперь их нет. Это и характерно для эпопеи. Совершил это Адам мастерски: вымершее это племя увековечил; оно уже не исчезнет», — говорил о «Пане Тадеуше» польский поэт З. Красиньский. Поэма написана на польском языке, но отразила она белорусскую натуру начала XIX века.

Шляхту белорусских и литовских регионов, говорившую и писавшую по-польски, нельзя назвать «польской» без длинного ряда оговорок. Она имела местные корни, никогда не была силой оккупационной по отношению к народу, участвовала во всех событиях здешней истории, веками защищала эти земли — свою родину — от внешних врагов, следовала местным обычаям, пользовалась местным фольклором, была двуязычной и т. д. Возвращение мелкой белорусской шляхты к родному языку, приближение передовых ее представителей к заботам народа более-менее заметно проявилось перед восстанием 1863 года и усилилось, расширилось после его печальных уроков. А в предыдущее время использование белорусской шляхтой многих элементов польской культуры есть исторический факт. Художественная литература была в основном на польском языке; на нем писали все авторы местного происхождения. Их читательская аудитория была достаточной, ибо грамотное городское и сельское население училось читать в первую очередь по-польски. По этой причине и в силу цензурных преград белорусскому печатному слову из шляхты белорусских земель в XIX веке вышли считанные литераторы, которые пользовались родным языком. В польской литературе сложилась даже так называемая белорусская школа прозаиков и поэтов, писавших на темы из белорусской жизни, например, Юлиан Гжималовский, Александр Грот-Спасовский, Александр Гроза, Героним Марцинкевич и др. Польско-белорусскими писателями были Ян Чечот, Ян Борщевский, Владислав Сырокомля, Винцент Каротынский, Адам Плуг, Артем Вериго-Даревский. Все они испытали влияние Адама Мицкевича, продолжили «открытую» великим поэтом белорусскую тематику.

Сюжет эпопеи «Пан Тадеуш», весь его достоверный материал относится к новогрудскому периоду жизни поэта. Последний наезд на Литве — таков подзаголовок поэмы — разворачивается в имени Соплицы. Реальные Соплицы находились неподалеку от фольварка Заосье, которым в год рождения Адама

Мицкевича владел его двоюродный дед Базиль. Он и владелец Соплиц — Ян Соплица — тесно дружили и славились на всю Новогрудчину как большие забияки. Что рассорило приятелей — неизвестно, но в 1799 году Ян Соплица с людьми так крепко побил Базиля Мицкевича, что тот через месяц скончался. Отец Адама долгие годы вел судебное преследование виновника смерти своего дяди, но наказания ему не сыскал. Такие побития вовсе не были редкостью в

шляхетской среде. В том же 1799 году сам Николай Мицкевич, случившийся по служебным делам в имении Базин, едва избег смерти, побитый Нарбутами и Рылло. К слову вспомнить, что Заосье досталось Мицкевичам после сорокалетней тяжбы с Яновичами. Но выиграв дело в суде, Юзеф Мицкевич — родной брат Базиля — не мог вступить во владение фольварком, поскольку Янович отказывался его покинуть. Тогда Мицкевичи с помощью друзей отбили Заосье силой. На памяти Адама Мицкевича в Новогрудском повете были еще два широко известных наезда.

Подобный конфликт связывает и героев «Пана Тадеуша»: Соплицы враждуют с Горешками из-за замка, который каждая сторона считает своим. Поэма «населена» множеством героев — от комических фигур Юриста и Ассессора до мощной трагической личности Яцека Соплицы; по страницам поэмы проходит буквально парад лиц, хранителей давних шляхетских нравов, людей, ориентированных на прошлое; здесь переплелись несколько любовных, политических, имущественных интриг, которые навязывают героям непредвиденные приключения, радости, разочарования и счастливо разрешаются двумя свадьбами; в поэме юмор перемежается пафосом, веселая улыбка грустной, и все озарено светом сыновнего, любовного отношения автора к родной земле, заботливого размышления о ее судьбах. Сам поэт писал о «Пане Тадеуше» в письме к Антонию Одынцу: «Что там лучше всего — это написанные с натуры картины нашей родины, наших обычаев и нравов». Действительно, поэму отличает яркая образность: закаты, восходы, поля, луга, леса, охота на зайца и на медведя, шляхетские увлечения, споры и привычки выписаны с изумительным проникновением. Вот, к примеру, несколько строк о деревенском оркестре:

От предков повелось у нас обыкновение
Под музыку сельчан плясать и петь на свадьбе.
Вот музыканты ждут, они с утра в усадьбе;
Знак подан. И скрипач, взмахнув смычком коротким,
На скрипку оперся тяжелым подбородком,
Галопом свой смычок пустил по струнам скрипки.
Волынщики вапев схватили без ошибки,
Плечами двигали, как будто бы крылами,
И дунули в меха, зажглось на лицах пламя.

По всем двенадцати книгам поэмы рассыпано множество бытовых сведений. Как в энциклопедии, здесь и устройство двора, и устройство корчмы, и кулинарные рецепты, и огород, и правила обхождения, и обычаи. Например, во время обручения

Тадеуш с Зосею, конечно, не сидели. Но потчужа гостей и сами с ними ели; Так по обычаю пристало новым панам — Сперва прислуживать самим своим

крестьянам.

Вот пан Гречиха по фигурам старинного сервиса объясняет ход поветового шляхетского сеймика:

Взгляните, шляхтич тот с решеньем не согласен, Из кухни выглянул, рассержен он и красен,

И, выпучив глаза, разинул рот широко,— Как будто бы пожрет всех во мгновенье ока! Нетрудно угадать, что закричал он «вето»!, Что шляхта кинулась к нему невзвидя света И, сабли обнажив, грозит ему расправой,— От битвы не уйти жестокой и кровавой.

Нравы шляхты емко представлены в сценах подготовки к наезду и самого наезда. Вот ироническое описание захвата Соплиц сторонниками графа Горешка, когда победители берут трофеи:

Все шляхта грабила, что под рукою было, Не тратя времени, забрался в хлев Кропило; Он окропил волов и двух телят, а Бритва Хватил их саблею. Кипела рядом битва. Там Шило действовал, колол он под лопатки Свиней и поросят, бегущих без оглядки.

(Кропило, Бритва, Шило — клички шляхтичей, данные им в повете по виду излюбленного оружия — дубине, сабле, тесаку).

Большинство персонажей поэмы имело реальных прототипов на Новогрудчине. Судья Соплица «списан» с судьи Ростоцкого, в имении которого Рута Мицкевич часто гостил; рутская усадьба описана в первой книге поэмы; прообразом Подкомория послужил новогрудский подкоморный Пшецлавский; прообразом корчмаря Янкеля считают держателя плунжинской корчмы; буквально для всех упомянутых в поэме лиц — Добжниских, Возного, войскового Гречихи, Телимены, Рыкова, Володковича, Бергелей, Бирбашей, Подгайских — исследователи творчества Мицкевича определили исходную фигуру. Разумеется, сила типического обобщения перетопила жизненные реалии в художественную правду. Но для белорусского читателя географические, личностные, исторические координаты поэмы позволяют лучше определить собственную прошлую действительность. Ведь многие обстоятельства жизни в Польше слагались по иному, чем в Белоруссии и Литве. Польские крестьяне, например, статьей конституции 1807 года, были избавлены от личной зависимости, и царское правительство оставило для них в силе этот освободительный акт. Для белорусских и литовских крестьян, равно как и для русских, крепостное право просуществовало до 1861 года. Мицкевич непосредственно на польских землях был однажды; его жизнь до отъезда в эмиграцию прошла в Белоруссии, Литве и России, и рабское состояние самого многочисленного сословия он знал по собственным наблюдениям. Призывая к борьбе с царской тиранией, мечтая о вольной отчизне, Мицкевич считал, что шляхта не будет свободной, пока несвободен народ, и свои мысли он вложил в уста Тадеуша:

Отчизну милую мы получили снова, А что сулит она крестьянам дорогого?

Одно-единственно — хозяина другого! ..... Я — человек, боюсь играть чужой судьбою; Рабовладельцем быть позорно человеку,— Хочу отдать крестьян под новую опеку.

Пусть счастливо живут они в краю родимом, Подарим волю им и землю отдадим им, Ведь родились на ней и до седьмого пота На ней работают — всех кормит их работа!

В 1834 году, когда писались эти строки, вопрос об освобождении крестьян для шляхты польских земель утратил остроту. Для Белоруссии же и Литвы вопросы наделения крестьян волей и землей оставались насущными, они занимали умы, и шляхта, в зависимости от убеждений, искала доводы за и против. Консервативное мнение, бытовавшее в кругах белорусского панства, высказано (в мягкой форме) шляхтичем Гервазием в ответе на решение Тадеуша дать своим крестьянам свободу:

Жалею о крестьянах! Не оказалась бы та выдумка немецкой, Свобода искони была у нас шляхетской! Хотя произошли все люди от Адама, Но хлопы, слышал я, ведут свой род от Хама, От Сима — шляхтичи, евреи — от Яфета,— Зато к властвуем от сотворенья света.

Мицкевич — первый писатель, который ввел в художественную литературу образ белорусского крепостного крестьянина. Смена стародавнего обряда поминовения умерших (II часть «Дзядов») выражала протест поэта против гнета панов, распорядившихся «хлопами», как скотом, звала к состраданию ужасной доле крестьянина. В символических фигурах обряда поэт высказал народное отношение к властвовавшему сословию:

Гей, сычи, вороны, совы, Вот и мы теперь готовы Беспощадно, в лютой злости Пищу пана рвать на части. Нету пищи в панской пасти. Значит, пана рви на части,— Пусть белеют в поле кости!

(Перевод Л. Мартынова)

В «Пане Тадеуше» социальные конфликты сглажены, в картинах сельского быта чувствуется пастораль, вообще родной автору мир Новогрудчины опозитизирован, воспроизведен в красках, подсказанных памятью изгнанника Соплицы — земля обетованная, куда отлетает отдохнуть истосковавшаяся на чужбине душа. Действие поэмы завершается осенью 1812 года с вступлением в Новогрудок корпуса Юаефа Понятовского к французским войскам. С победой Наполеона в начавшейся войне шляхта связывает надежды на возвращение былой вольности. На этой волне патриотических чувств Мицкевич и обрывает повествование о последнем наезде на Литву, о судьбах шляхты. Новые времена не совмещались с прежними, к ним не приложимы были спокойствие и юмор, с какими можно вспоминать «доброе старое время».

Конечно, Мицкевичу ход и исход войны были известны хорошо. Знал он и те разрушения, и те людские жертвы, которые потерпела Беларусь, и то крушение надежд, возлагавшихся поляками на Наполеона, отдавших ему свои жизни для возрождения Речи

Посполитой. Такие события «добрым старым временем» назвать невозможно. Это была трагедия, перелом бытия и мировосприятия.

Люди 30—40-х годов по-иному чувствовали жизнь, иную вели борьбу, иные принимали муки. Бушевание страстей, духовный накал, свойственные III части «Дзядов» и продолжающим ее стихам «Отрывка»,— это уже история дворянских революционеров; в России — декабристов, в Белоруссии и Литве — филаретов, участников восстания 1831 года. «Пан Тадеуш» — история предыдущего поколения, с которым завершилась феодальная эпоха жизни польского, белорусского, литовского народов. Поэма — гениальное произведение литературы, достояние мировой классики, в ней выразились гуманистические идеалы Адама Мицкевича, она научает терпимости, уважению, любви к людям, пестит добрые чувства души.

Содержанием третьей части «Дзядов» стал первый в Литве и Белоруссии политический процесс над революционно настроенной молодежью. Разгром гимназического общества «Лучистые» и студенческого общества филаретов, учиненный в Вильно в 1823 году сенатором Новосильцевым, явился репетицией тех жестоких репрессий, которыми царские палачи гасили восстания 1831 и особенно 1863 годов. Мицкевич сам был среди жертв этого циничного «следствия», полгода провел в тюремной камере, а назначенная ему «мягкая» кара — запрещение жить на родине и высылка в Россию — определилась стараниями друзей, затемнивших его роль в обществе филаретов.

Многие судьбы оказались изломаны, многие жизни исковерканы, молодость, здоровье, духовные силы множества людей отняты ссылкой. Ссылка сломала жизнь Яна Чечота. Он родился в 1796 году, его детство прошло в окрестности Новая Мышь, неподалеку от Свитязи и Колдычевского озера. Как и Мицкевич, Чечот учился в Виленском университете и был одним из активных деятелей Общества филаретов. После следствия и суда он был выслан в Уфу, затем в Тверь и вернулся на родину после девяти лет жизни на чужбине, жизни, полной бедствий. Умер Чечот в 1847 году в Друскениках, неподалеку от них — в деревне Ротница он и похоронен. Работая по возвращении в Отчизну библиотекарем у графа Хрептовича в Щорсах, Чечот собрал и издал несколько сборников белорусских песен, чем внес выдающийся вклад в белорусскую культуру и положил начало собиранию белорусского фольклора. Его талант — пусть и не такой яркий в сравнении с мицкевичским — безусловно, проявил бы себя шире, не будь его душа и физические силы сокрушены репрессиями.

Страдания, принятые белорусской и литовской молодежью, равно как их стойкость, верность идеалам, общеизвестны. Но вот что хочется отметить. Третья часть поэмы написана сразу по неудаче восстания 1831 года, другие части созданы девятью годами прежде — поэт их тем не менее соединил. Такое решение Мицкевича исполнено глубокого смысла. «Дзяды» — белорусский народный обряд: по представлениям белорусов, души предков — дзядов — приходят на свидание с живыми не только ради поминальной чарки и каши.

Воскрешая в памяти дядов, живые дают им ответ за свои дела, за верность заветам. Чуткая совесть народа следит, чтобы ничто из духовного наследия дядов не забылось, не утерялось, не отвергло — ведь все, что есть у живых, создавали дяды, а то, что не смогли сделать они, обязаны сделать их потомки. «У автора этой поэмы была одна цель, — писал Мицкевич, — чтобы сохранилась в памяти народа история Литвы за несколько десятков лет...» Поэтический гений Адама Мицкевича увековечил наказ дядов — не мириться с насилием тиранов, песня поэта утверждала и

утверждает высокие чувства свободолюбия.

Огонь пожрет истории прикрасы, Злодеями похитятся алмазы, Но песня души всех людей пронизет...

(Перевод Н. Асеева)

Чужбина, особенно чужбина вынужденная, эмигрантская, не благоприятствует творческому дару. У редких художников вдали от родины сохраняется действенным талант. Есть истинная правда в древнем народном символе: мать — родина — земля дает силы; дух чужбины словно бы сдерживает вдохновение. После «Пана Тадеуша» (1834) Адам Мицкевич почти не работал в поэзии. Его духовная жизнь обрела иное содержание, иную ориентацию — на политическую деятельность. Ностальгия, мучившая его и в Париже, и в Лозанне, и в Венеции, требовала каких-то реальных дел. Мысленно он жил на родной Новогрудчине и в минуты острой тоски вспоминал любимые народные песни, например, как отметил А. Одынец, ту, которую в молодые годы пел вместе с Марылей:

Да цераз мой двор, Да цераз мой двор. Да цяцера ляцела. Не даў мне бог.

Не даў мне бог, Каго я хацела.

Получив изданный Чечотом сборник белорусских песен, Мицкевич часто перечитывал его в час грусти. О родном крае и родном народе поэт подолгу беседовал с приятелями. Он считал, что «из всех народов славянских русины, то есть крестьяне губерний Пинской и частично Минской и Гродненской сохранили более всего славянского. В их сказках и песнях есть все. Памятников письменных немного, только Статут Литовский написан их языком — гармоничным и наименее искаженным из всех диалектов славянских. Жизнь их целиком в духе. На земле же вся их история была исполнена нужды и насилия.»

Со страстным вниманием изгнанника следил Мицкевич за событиями в Белоруссии. После неудачи восстания 1830—1831 гг. в эмиграции оказалось немало земляков, среди них руководитель повстанцев Новогрудского и Слонимского поветов Юзеф Кошиц. Оказался там и сражавшийся под началом Кошипа родной брат Мицкевича, и участники битвы под Вильно, и беловежские инсургенты. Их рассказам Мицкевич жадно внимал. Отряды повстанцев насчитывали десять тысяч человек. Восстание не получило поддержки крестьян в силу антагонистических интересов, которые, подобно пропасти, разделяли крестьянство и шляхту. Собственно поэтому оно было достаточно легко и

чрезвычайно жестоко подавлено.

Крестьянские выступления за волю и землю продолжались. Усиление барщины в 20-е годы вызвало волнения на Брестчине и Гродненщине. В 30-е годы произошло 46 крупных крестьянских выступлений против крепостничества. Для подавления 25 из них царизм применил армию. 40-е годы отмечены массовыми побегами крестьян на юг России (на обживаемые херсонские земли) и на север (на строительство Петербургской железной дороги). Это было бегство от помещиков, от безжалостного насилия, голода,

рабства. С 1846 г. в Минске, Гродно, Новогрудке, Лиде, Слониме действовал тайный «Союз

свободных братьев» с программой, нацеленной против самодержавия. В Боровлянах под Минском «братья» изготавливали оружие, необходимое для очередного восстания. Стремясь затушить в Белоруссии постоянное «кипение страстей», правительство Николая I провело некоторые крутые реформы. Так, в 1840 г. было отменено действие на белорусских землях Статута Великого княжества Литовского.

которым пользовались здесь три с половиной столетия, стало обязательным делопроизводство на русском языке, закрывались местные, а открывались русские начальные школы и гимназии, на все административные должности назначались русские чиновники и т. д. В 1839 г. Полоцкий церковный собор принял продиктованное царем решение об объединении униатов и православных, из чего опять же вытекал целый ряд мер русификации, в первую голову крестьянства. Драматизм родной истории представлялся Мицкевичу так: «Этот край истинно славянский не имеет своего названия, потому что не является государством, а склоняется то к польской системе, то под русский скипетр. Земли эти оказались завоеваны Рюриковичами и после того завоевания носят название земель русских... На этой территории сражались две религии: католическая и православная. Речь Посполитая шляхетская и самодержавие России вели здесь ожесточенные войны».

Сочувствие родному народу, который на протяжении столетий оказывался между жерновами двух соседних противостоящих государств, подвигало Мицкевича на конкретные действия борьбы. В 1848 г., в год «весны народов», Мицкевич организует в Италии легион из соотечественников — он так и назывался «легион Мицкевича», — который, по мысли поэта, должен был принять участие в освободительной войне и на родине.

Отдавая дань уважения личному мужеству добровольцев этого и других легионов, следует отметить нереальность их планов. На западных границах империи самодержавие держало огромную армию, поскольку выполняло роль «жандарма Европы». В Белоруссии были расквартированы мощные воинские подразделения, победить которые могло бы только всеобщее народное восстание (например еще при Александре I было проведено усиление западных рубежей: снесен старый Брест и на месте древнего города построена Брестская крепость). Да и само время, объективные исторические процессы требовали не

столько легионов, сколько выработки программы, обращенной к народу и учитывающей его сокровенные интересы. Но это была задача нового, только становящегося в России, марксистского сознания.

С началом Крымской войны Адам Мицкевич вновь организует легионы, должны сражаться против царизма. Но в Константинополе поэт попал в эпидемию холеры, заболел, и там оборвалась его жизнь.

В 20-е годы нашего века, возродив стародавний обычай, земляки поэта насыпали в его честь курган. Этот рукотворный, горстями насыпанный курган вознесен на холме, напротив руин воспетого Мицкевичем в «Гражине» замка, на тех самых тропинках, по которым бродил поэт в юности, на том самом месте, с которого вглядывался в синеющие на горизонте дубровы и боры Налибокской пуши, в древнюю дорогу, бегущую по холмам среди лесов к Неману. Прах Адама Мицкевича покоится вдали от родной земли, от могил предков, но дух его здесь, в местах первой встречи с музой, в местах, памятных сокровением первой любви. Он здесь, вместе с дядями, о которых поэт писал.

Старые уже деревья бережно окружают этот курган, здесь тихо, и в шелесте листьев слышится тихий голос поэта, мерный ритм стиха, чарующее поэтическое слово —

бессмертное слово любви к родине, слово страстного волнения о ее судьбах. Стихи и поэмы Мицкевича читаются и в подлинниках, и в переводах. На белорусский язык переводили их Винцент Дунин-Марцинкевич, Александр Ельский, Янка Купала, Якуб Колас, Бронислав Тарашкевич, Кондрат Крапива, Аркадий Кулешов, Максим Танк, Михась Машара, Пилип Пестрак, Максим Лужанин, Юрий Гаврук, Владимир Короткевич, Рыгор Бородулин, Янка Сипаков и многие другие наши поэты. Произведения Мицкевича вошли в культурный обиход белорусского народа; исполнился

завет поэта, прозвучавший в эпилоге «Пана Тадеуша»:

Дожить бы мне до радостного мига,
Когда войдет под стрехи эта книга.
Чтоб девушки за пряжею кудели
Не только бы простые песни пели
Про девочку, что скрипку так любила,
Что и гусей для скрипки позабыла,
Про сиротинку зорьку-заряницу,

Что на ночь глядя загоняла птицу, —
Чтоб взяли девушки ту книгу в руки.
Простую, как народных песен звуки.

Голос поэта, «как радостный призыв свободы и весны», равно слышен всем народам.